

Скорая помощь

— А-а-а-а-а! — закричала Петра и закрыла рот ладонями, как парикмахерша в какой-нибудь британской комедии. Барбка быстро что-то набрала в телефоне, и мне тут же пришло сообщение. Позже, когда я посмотрела, что она мне писала, я прочитала: «Уй-й-й. Больно же».

— А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! — орала Петра, а парни из девятого «А» злорадно перепрыгивали через своего бывшего одноклассника, который лежал на земле с высоко поднятой задницей. И вообще не шевелился. Лежал себе и лежал, как будто не мог поверить, что с ним случилось, как будто ждал, что плёнка станет крутиться в обратную сторону и, не упав, он победоносно добежит до финиша. Такое, конечно,

бывает только в кино. Наши одноклассники перескакивали через Алекса, как будто это очередное препятствие на беговой дорожке. Никто ему не пытался помочь. Матевж даже засмеялся во весь голос. А с противоположного конца площадки к лежащему на земле Алексу медленно приближался Бочонок.

Бочонок — наш учитель физкультуры. Я думаю, объяснять, как он получил своё прозвище, нет необходимости. И кто его придумал — тоже не надо.

Я развернулась и побежала к школе, потому что вспомнила, что у входа на стене висит аптечка первой помощи. «В таких ситуациях важно сохранить присутствие духа, — много раз говорил мне папа. — Паника — это самый худший вариант развития событий». И я сохранила присутствие духа. Ворвалась в здание, открыла дверцу шкафчика, вытащила из аптечки вату, бинт, пузырёк с бактерицидным средством; и прежде чем Заяц, наш охранник, успел открыть рот (это прозвище я ему дала, потому что у него очень сильное косоглазие, и, разумеется, с тех пор никто его иначе не зовёт), я уже умчалась назад на спортплощадку.

Уперев руки в боки, Бочонок лениво прохаживался вокруг Алекса, а тот сидел на земле и держался за нос. Рядом стояли Петра и Барбка. Петра, разумеется, по-прежнему закрывала рот рукой, из-под которой доносилось: «А-а-а-а-а, а-а-а-а-а, а-а-а-а-а!» Барбка что-то с бешеной скоростью печатала в телефоне.

Я присела на корточки рядом с Алексом. Он посмотрел на меня страдающими глазами. Точно такой взгляд я в последний раз видела в зоопарке. Мы всей семьёй ходили в зоопарк; мне казалось, что это ужасная глупость, но папа и мама настаивали: «Мы же семья, а семья должна ходить в зоопарк». Они повторяли это всю дорогу и туда, и обратно. А на мой взгляд, выходило как-то по-дурацки. Шёл дождь. По-моему, хорошей погоды не было ни секунды, пока мы были в зоопарке. А в клетке с орангутанами на полу сидел маленький орангутанчик, у которого братец только что утащил банан. Ровно так же — беспомощно, бессильно, со слезами на глазах — посмотрел на меня Алекс, когда я присела рядом с ним с полными руками медицинских средств.

— Да ничего страшного, — заявил Бочонок. — Я говорил, на девочек не заглядываться, пока бежите, — и усмехнулся довольно злобно.

Я обработала Алексову рану. Бочонок изда-
лка давал советы:

— Ещё немножко вокруг носа! Да, вот, вот так! Осторожно, а то спирт попадёт в глаза. Нет, нет, не надо бинтом, у него же голова не треснула. Только дезинфицируй. Да, парень, нос у тебя будет что надо. Кто ж в тебя такого влюбится? — изгалялся Бочонок.

Мальчики пошли переодеваться, оглядываясь на нас. Некоторые недобро улыбались.

— Чего смотрите? Никогда, что ли, не видели, чтобы человек пялился на девочек и вернулся? — крикнул им Бочонок.

Алекс осторожно пошевелился. Я взяла его за руку.

— Можешь встать? — спросила я.

— Можешь встать? — спросила Петра.

Алекс кивнул мне. Ему было неловко.

— Девочки! — воскликнул Бочонок. — Он же нос разбил, а ноги-то у него в порядке.

Папа всё время говорит, что на глупости не следует обращать внимания. Я не обратила внимания на ироническое замечание Бочонка.

— Я тебе помогу. Ты только скажи, — сказала я Алексу.

— Ты только скажи, — повторила Петра.

А Барбка на этот раз не послала ни одного сообщения. Только смотрела с глупым видом, держа телефон в руке. Скорее всего, она уже давно успела всем сообщить о случившемся.

— Господин учитель! — воскликнула я, пока мы медленно двигались в сторону школы, как раненые солдаты, которых отослали с фронта. — У меня идея!

Бочонок испуганно взглянул на меня.

— Давайте организуем краткий курс первой помощи!

Бочонок сглотнул и кивнул:

— Это можно.

— Прямо на следующей неделе, — сказала я. — Я могу подготовить план. Посмотрю в книгах и в Сети. Мы можем научиться перевязывать разные раны, открытые переломы, вывихи, обрабатывать ожоги...

— Ага, ага, — перебил он, — я подумаю.

— Нам бы это очень пригодилось. И интересно будет! Весь класс перевяжем. Можно сделать целую фотоинсталляцию. И фильм снять! — У меня разыгралась фантазия. Я уже видела фотографии перевязанных одноклассников. — Может быть, можно где-нибудь достать инвалидные кресла...

— Это всё отличные задумки, Ника. Но...

— Что «но»? — грозно спросила я.

— Вспомни, что было с Днём природы.

— Ну, прокол, — призналась я. — Но мы всё равно задумались о том, как плохо во всём мире обращаются с животными!

— Я подумаю, — повторил учитель и, обогнав меня, зашагал к школе. Мне кажется, он пытался от меня убежать.

Ужас, как учителя готовы придушить любую инициативу.

В спортзале мы помогли Алексу дойти до мужской раздевалки.

— Справлюсь, — ответил он на моё предложение помочь ему переодеться.

— И я, — сказала Петра, — и я могу помочь!

Барбка только кивала. Наверное, у неё нет Алексова номера, иначе она бы ему уже давно прислала кучу сообщений.

— Ну ладно, — сказала я, — мучайся сам. — Я точно знаю, что он отказался от помощи из-за Петры и Барбки. Если бы я была одна, он бы согласился, а так — только покраснел. — Мы классной скажем, что ты не придёшь на последний урок, потому что упал и расшибся.

— Расшибся, — повторила Петра.

— Упал, — к моему великому изумлению, сказала Барбка и посмотрела на Алекса, как будто впервые его видит. Ясно. Значит, Алекс и Барбке тоже нравится. Она бы не стала просто так тратить силы, чтобы открыть рот.

Мы отправились в класс. Все, конечно, уже знали, что произошло. Даже классная — наша литераторша — знала, потому что Барбка прислала ей целое письмо по телефону.

— Алекс пойдёт домой, — сказала я ей, — он в состоянии шока, а в таком состоянии невозможно сконцентрироваться на учёбе.

— Я в принципе согласна, — ответила учительница, — но у меня есть одно замечание. Можно я его выскажу, дорогая наша Ника?

Я кивнула.

— Конечно можно, уважаемая госпожа учительница. — Если она хочет иронизировать, почему бы и мне не ответить тем же.

— Я просто думаю, — сказала она, — что это я должна была разрешить Алексу отправиться домой. А не ты.

— Уважаемая госпожа учительница, — сказала я, — Алекс получил травму, но домой он должен пойти не из-за физической, а из-за психологической травмы...

— Садись.

— Любая травма — это шок. Стресс. Можно вообще-то провести об этом целое занятие, если...

— Садись, говорю! — настойчиво повторила учительница и даже направила на меня указательный палец.

Поскольку более умный и более терпеливый должен уступить, как говорит папа, я пошла и села на своё место.

За этим последовала скука смертная. Мы разбирали домашнее чтение — «Маленького принца» Экзюпери и «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» Баха. Не композитора, а Ричарда Баха, американского писателя. Когда мне было четыре года, папа читал мне обе эти книги. «Маленького принца» по-французски, а «Чайку» по-английски. В первом классе это были мои любимые книги. А теперь мне надо делать вид, будто я обе истории слышу в первый раз.

— Отлично, Ника, — время от времени повторяла наша классная, — ты очень хорошо знаешь эти книги, но, пожалуйста, дай другим возможность немножко подумать.

Короче, последний урок был невероятно скучный. Потом мы отправились домой: я, Пе-

тра, Барбка, Милан и Матевж. Нам всем по пути. Они как-то ко мне приклеились. Мне кажется, они ко мне очень хорошо относятся. Когда осенью я пришла в их класс, меня приняли очень радушно.

В класс я пришла одна. Мама с папой в первый день хотели так или иначе меня проводить. Сначала они вообще намеревались прийти всей семьёй, но от этого я их, слава богу, отговорила. В конце концов мама осталась в машине, а папа дошёл со мной до актового зала, где я представилась классной руководительнице. Она сказала мне, где класс, и я сразу туда отправилась. А папа остался с ней поговорить. Когда я вошла в класс, они все на меня уставились. Я поздоровалась по-французски. Не знаю почему; мне показалось, что так будет прикольно. Я сказала им: «*Je suis votre nouveau camarade de classe*». Они ничего не поняли, только Барбка пробормотала: «Француженка». Все изумлённо на неё посмотрели. Я подумала: это потому, что она самая умная (что правда), но на самом деле они были изумлены, что она вообще что-то сказала.

— *Dites-moi, s'il vous plaît, où puis-je m'asseoir?* — спросила я, уже совсем их запутав; при этом я пыталась продемонстрировать, что имею в виду.

Я показала на себя, потом на парту, потом опять на себя (и слегка присела) и ещё раз на себя. Они глядели на меня с диковатым видом. Алекс даже сказал: «Кажется, она хочет в туалет», остальные только удивлённо кивали. Я ещё раз повторила все движения и нарочно несколько усложнила свою пантомиму. Они пришли в полное замешательство. «Может, она хочет танцевать?» — «Нет, она собирается у нас тут подмести пол». — «Нет-нет, спрашивает, где она оказалась и где автобусная остановка. Я бы её с удовольствием куда-нибудь отправила». — «Может, она из Африки?» — «Чего это из Африки?» Их спасла наша классная, которая вошла в кабинет и представила меня:

— Это ваша новая одноклассница, Ника.

Матевж сказал:

— Мы уже в курсе, ага. Француженка.

— Как мы с ней будем общаться? — спросила Петра. — Я вообще не знаю французского.

Классная руководительница удивлённо на меня посмотрела. Я рассмеялась и сказала, что немножко пошутила. Сначала они рассердились, но потом тоже стали смеяться. Мне пришлось им рассказать, откуда я знаю французский, что папа — участник программы ООН по охране природы и работал в Париже, что за два года

я там всё выучила. Что теперь мы тут, и всё *très bien*. Было очень весело. Только классная улыбалась как-то мрачновато.

Так что я подружилась с одноклассниками в первый же день. По дороге из школы меня сопровождало человек десять. Алекс, Барбка, Петра, конечно, и ещё Матевж и Милан...

— Дашь мне телефон? Пожалуйста, — попросила Барбка. Это было первое предложение, с которым она ко мне обратилась. И чуть ли не последнее. По крайней мере, такое развернутое. Даже два предложения, а не одно! Все очень удивились. С этого дня вот уже восемь месяцев я регулярно получаю от неё сообщения. В первый же день телефон у меня стал постоянно пищать. Папа удивился: «У тебя какой-то уха-жёр новый?» Барбку интересовало всё. Сколько времени мы провели во Франции. Что я делаю в следующие выходные. Как выглядит Эйфелева башня. Была ли я там на самом верху. И как оно. Есть ли облака вокруг. И правда ли, что наверху постоянно идёт дождь, а в башню всё время ударяют молнии.

Теперь из школы мы обычно ходим втроём или вчетвером. Алекс тоже ходит с нами. Но часто мы с Алексом идём до дома вдвоём. Он не живёт

в моем районе, но настаивает, что часть пути ему надо пройти со мной. Это когда после школы я ему помогаю с математикой и химией. Или с историей. Когда я объясняю ему, почему началась Вторая мировая война, он не смотрит на меня и вообще не слушает. Потом мы идём домой. Он бы с удовольствием проводил меня прямо до дверей, но я всегда его отправляю обратно немного раньше. Обычно я ссылаюсь на какую-нибудь внеклассную работу, которой у меня и правда довольно много, несколько раз в неделю что-нибудь бывает. Я хожу на немецкий, на испанский, на йогу... Иногда мне нужен автобус. Мы вместе ждём его в центре города. Потом я захожу в салон, и, когда двери закрываются, я смотрю на Алекса в окно. Он стоит на остановке, волосы заслоняют ему глаза. Иногда он их отпихивает ладонью, иногда нет. Я смотрю на него и читаю по губам: «Почему ты не даёшь мне проводить тебя до дома?» Я делаю вид, что не слышу и не понимаю. Я киваю ему; он повторяет, стараясь артикулировать как можно чётче: «Почему ты не даёшь мне проводить тебя до дома?» Автобус отъезжает. Я вижу, что он глядит мне вслед. Как тот маленький орангутанчик, у которого брат украл банан.

Домой

Вместе с Петрой, Барбкой, Миланом и Матевжем мы медленно бредём по направлению к моему дому.

— Ника, — говорит Петра, — я до сих пор не могу прийти в себя! Столько всего произошло!

— Что такого произошло? — отвечаю я. — Ничего особенного. День как день.

Петра останавливается и смотрит на меня с изумлением.

— А ты кровь видела?

Барбка, которая всегда идёт на пару шагов позади, кивает.

— Ну и что? — говорю я. — Кровь как кровь. Матевж меня поддерживает.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

